

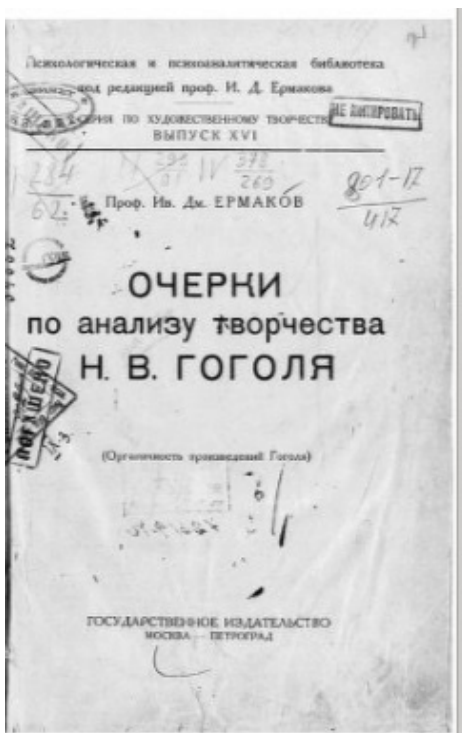
НАШ АРХИВ

К 215-летию Н. В. Гоголя

Иван Ермаков

ОЧЕРКИ ПО АНАЛИЗУ ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ*

Обложка первого издания

* Ермаков И. Д. Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя: (органичность произведений Гоголя). М.; Петроград, 1923. С. 7–36. (Психологическая и психоаналитическая библиотека. Серия по художественному творчеству; вып. 16). В том числе с комментариями по изданию 1999 г.

Психология творчества Гоголя

...всякий человек, с того места или ступеньки в обществе, на которую поставили его должность, звание и образование, имеет случай видеть тот же предмет с такой стороны, с которой, кроме него, никто другой не может видеть.

*Н. В. Гоголь. Выбранные места
из переписки с друзьями*

Болезнь Гоголя

Бедный Гоголь все прихварывает. Я думаю, что тут много моральных причин его болезни.

А. А. Иванова. Письмо к Чижову

О болезни Гоголя, несмотря на то что о ней сохранилось немного фактического материала, существует несколько статей. Одна из них – статья-речь Баженова, где он силится показать, что у Гоголя наблюдался тот психоз, который в настоящее время называется циркулярным, или круговым¹. Волна повышенного настроения при этой болезни сменяется волной пониженного, угнетенного состояния, что особенно ярко сказалось в жизни Гоголя. Гоголь сам прекрасно описал эту свою болезнь; и во многих местах «Переписки» и «Исповеди», которым, однако, не приходится верить до конца, мы найдем некоторые указания на душевную болезнь у Гоголя. Разобрав довольно подробно циркулярный психоз Гоголя, Баженов, как и другие авторы, совершенно не коснулся другого более важного и несравненно более интересного вопроса, а именно: насколько отразилась эта болезнь в том или другом смысле на творчестве Гоголя.

Кроме душевной болезни у Гоголя было много других болезней и странностей, и они до сих пор не подвергались никакой попытке сколько-нибудь изучить или объяснить их (см. Овсяннико-Куликовский, «Н. В. Гоголь»²).

¹ То же, что и биполярное аффективное расстройство. И. Д. Ермаков ссылается на работу отечественного психиатра Николая Николаевича Баженова (1857–1923) «Болезнь и смерть Гоголя» (Русская мысль. 1902. № 1–2; отд. изд.: М., 1902).

² Книга отечественного литературоведа Дмитрия Николаевича Овсяннико-Куликовского «Н. В. Гоголь» впервые была опубликована в 1902 г., но дополненное издание, куда был включен раздел II «К душевной драме Гоголя», который имеет в виду И. Д. Ермаков, вышло в свет в составе изд.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1912. Т. I. Здесь говорилось: «Трагедия Гоголя была обусловлена тем, что этот больной человек, этот невротик, меланхолик, ипохондрик и мизантроп, нес великую тяготу великого призвания, вытекающего из его огромного и разнообразного художественного дарования, осложненного общою гениальностью натуры. Для больной души и больных нервов Гоголя это было бремя неудобноносимое»; «Гоголь был гений разлагающего психологического анализа, направленного на темные стороны души человеческой. Достаточно известно, как умел он – по его выражению – “слышать душу” и копаться в хламе и соре душ человеческих, вынося оттуда самоотраву, если можно так выразиться, “трупным ядом духа” – гнетущую мизантропию. В своем творчестве Гоголь был художник-мизантроп... Известно и то, с каким мастерством психолога-анатома рассекал он собственную душу, находя в ней разные – по его выражению – “мерзости”, частью подлинные, частью

Это тем более непонятно со стороны психологов и тех, кто анализировал творчество Гоголя, поскольку он сам в глубокой своей интроспекции заявляет, что болезнь играла огромную роль в его творчестве¹. Такой вывод делает Гоголь, опираясь на свою слабость, болезненность, неуверенность в завтрашнем дне, и это заставляло его трудиться, так как времени в его распоряжении было мало: болезнь давала ему только перемерками эту возможность работать. То, что Гоголь страдал циркулярным психозом с угнетением и преобладанием меланхолической фазы, во время которой он и погиб, дает только внешнее описание условий, при которых творил писатель, и ничего не говорит о том, что мы в праве ожидать встретить в его произведениях. Так что такая справка больше удовлетворяет нашему законному желанию знать как можно больше о великом писателе, но не вводит нас в глубь творческих процессов писателя. Такое положение вопросов о болезни Гоголя, не объясняющее нам даже тех его странностей, которыми полна его биография, зависит от того, что, рассматривая болезнь Гоголя с точки зрения общей симптоматологии заболевания, авторы могут найти только сходство этого заболевания с типичными, описанными в учебниках.

Не этого ждет читатель, который захотел бы понять и осмыслить себе многие стороны в творчестве Гоголя и узнать, *почему* он творил именно так или поступил таким образом. Подход к такому анализу дает только индивидуальная, а не общая психология или психопатология, и задача такого анализа гораздо сложнее, чем простое приращение к писателю ярлыка известной нам болезни.

Уже от Пушкина не укрылось то, что Гоголь был «меланхоликом», и в этом определении сказано больше, чем в медицинском диагнозе. (Впрочем, вопрос этот спорный, не относится ли указанное место к Вяземскому².)

воображаемые. Из его признаний известно, что он обобщал свои “мерзости”, отыскивая аналогичные им у других, и, наоборот, чужие “мерзости” находил в себе или воображал, что они есть и у него самого, “примерял их к себе” и – на этом пути – доходил до настоящей моральной ипохондрии. Это был гениальный художник-ипохондрик...»; «Физические и психические немощи Гоголя, периодически повергая его в жестокую тоску, в безысходное уныние и апатию, придавали его религиозной мысли, если можно так выразиться, “медицинское направление” – черта в высокой степени архаическая. Молитва превращалась в род заговора от болезни»; «Изучение душевной драмы Гоголя должно отправляться именно от факта его гениальности, понимаемой как великая сила, которая для невропатической организации поэта, склонной к психозам, явилась бременем чрезмерным» (Овсянников Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 220, 222, 227, 228).

¹ См., например, в «Авторской исповеди»: «Издавая ее под влиянием страха смерти своей, который преследовал меня во все время болезненного моего состояния, даже и тогда, когда я уже был вне опасности...» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 6. С. 205).

Далее цитаты из сочинений Гоголя, кроме специально оговоренных, даются по этому изданию с указанием тома и страницы; но при цитировании-пересказе анализируемых произведений том и страница специально не указываются, если цитаты точны и/или отклонения не значимы для анализа); «Усилия мои оканчивались почти всегда болезнью, страданиями и наконец такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякое занятие» (6, 216); «...и едва только оправился от тяжелой болезни моей, как составил из них книгу...» (6, 224).

² Сводку данных по этому вопросу и современное истолкование его см.: Вацуро В. Э. Великий меланхолик // Записки комментатора. СПб., 1994. Характеристику «великий меланхолик» отводил от Гоголя и приписывал П. А. Вяземскому В. В. Каллаш (Пушкин и Гоголь (Заметки о Гоголе) // Голос минувшего. 1913. № 19. С. 235 и след.).

Каллаш Владимир Владимирович (1866–1919) – литературовед и библиограф, подготовивший, в частности, изд. «Сочинения и письма Н. В. Гоголя» (В 9 т. СПб., 1907–1909).

Конечно, не меланхолия делала Гоголя Гоголем, хотя нет никаких сомнений, что болезнь наложила свою печать на творчество писателя и прежде всего внешне отразилась в тех сравнительно многочисленных сценах ненормальных действий и состояний, в которых так нередко находятся его персонажи. Душевная болезнь, опьянение, не то сон, не то действительность, бредовое состояние – всему этому Гоголь уделит место в своих произведениях. Даже на периодичность (в письме первого тома он говорит, что началась его обычная болезнь – продолжалась около трех недель) есть у него указание в «Пропавшей грамоте», где с бабой ровно каждый год делается такое, что она пляшет: так и дергает ее пуститься вприсядку¹. Тяжелую душевную болезнь или родственные состояния описывает он в «Страшной мести», «Портрете», «Невском проспекте», «Носе», «Записках сумасшедшего», «Вие», «Шинели» и т.д. И о душевных заболеваниях в «Портрете» он роняет такое замечание, которое сделало бы честь современному психологу (оно высказано тогда, когда еще в психиатрии неизвестны были самые обыкновенные формы заболевания, даже циркулярный психоз, то есть болезнь Гоголя, а о психологии болезни и говорить нечего). Врач, по его словам, искал соответствия, связи между тем, что грезились больному, и фактами его жизни². Повторяю, к такому подходу способен не всякий даже современный психиатр.

Кроме душевного заболевания, его интересует все то, что представляют из себя уродство, недостатки, пошлость, нравственная скудость его героев, и, по его словам, он их находил в своей собственной душе, и, смеясь над ними, он смеялся над собой, и потому так тяжел, так захватывает этот его смех: смеясь, избавлялся он от дурных качеств своих, проецируя и видя их у своих героев. Таким образом, преодолевая презренную жизнь, он подтверждал ее в себе, выставляя ярко те типы, которые глубоко связаны с их творцом. И по мере того, как подвергает он себя пыткам анализа, выявляя в себе пошлость и «гадости», он не устает себя воспитывать духовно, он думает о спасении души своей, и он нравственно замыкается все больше и больше в себе, так как главная его задача – прежде всего создать и совершенствовать самого себя. «Скучно на этом свете, господа!»³ – и он создает другой мир, оторванный от современного, от действительности, сильных физически и нравственно примитивных и свободных запорожцев и создания мечты, но он не может забыть в грезах. Любящий театр, он не может жить только показным миром, ему нужны страдания, он будет себя мучить, он будет выдумывать себе невероятные страдания и испытания для того, чтобы полнее обнаружились осадки в его душе со всеми ее недостатками и «гадостями», и он будет это делать с радостью, как подвижник, носящий власяницу или тяжелые вериги, и он не перестанет ярко и зорко глядеть и видеть недостатки всего того, что он сделал, и стремиться к мессианизму, к тому, чтобы дать что-либо великое, нужное своей родине. Он будет искать отрады в физических недугах, так как, только исстрадавшись и очистившись, сможет он сделать то, о чем мечтал с детских лет. И так как он ищет, то его душа полна противоречий, его поступки пугают

¹ Ср. у Н. В. Гоголя: «И, видно, уже в наказание, что не спохватился тотчас после того освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуетса, бывало, да и только. За что ни приметса, ноги затевают свое, и вот так и дергает пуститься вприсядку» (1/2, 87).

² Ср. у Н. В. Гоголя: «Доктор старался всеми силами отыскать тайное отношение между грезившимися ему привидениями и происшествиями его жизни, но ничего не мог успеть» (3/4, 91).

³ Цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1/2, 398).

своею неожиданностью, его настроения полны крайностей. Иногда он стремится к тому, чего не хочет; из противоречий слагается его жизнь, и непоследовательно то, что он делает. И он сам при этом присутствует, наблюдает себя как бы со стороны и с наслаждением и пыткой вскрывает и творит, как он говорит, «зеркало», в котором отражается он сам¹. У него самого, как говорит Гоголь, не было воображения, у него только интеллектуальный процесс, соображение, глубокий анализ, поскольку глубоко может он видеть самого себя в зеркале. Нет, он ничего не «сочинял»: для того чтобы написать строчку своего рассказа, какую-либо подробность, он пользовался самонаблюдениями, потом подтверждением наблюдения со стороны и, наконец, теми богатыми наблюдениями, которые производились другими по его просьбе и по его планам. Он группирует материал, собирает его, соображает, что нужно и чего не надо.

В этом собирании и заключается часть его работы, и эта любовь к собиранию лежит как печать самого Гоголя на всех тех, кого бы он ни описывал. Все его персонажи, как увидим мы это дальше, непременно что-нибудь собирают, коллекционируют, приносят в порядок, и у них почти у всех есть странности, дефекты, которые не позволяют как будто бы причислить их к полноправным представителям людей, и это не потому, что Гоголь хотел бы выставить их смешными, нет, он передает беспристрастно то, что он называет аналогически – «движенья незамеченных насекомых»². Он их коллекционирует в своих «Мертвых душах», где не только благодаря особому укладу жизни, как думает Переверзев³, или навязанному чужому плану, как полагают критики, а вследствие внутренних психологических потребностей (о чем дальше) мог Гоголь изобразить жизнь такую, как он это сделал. Конечно, и уклад здесь имел значение, и план связывал его, однако не будь у него внутренней необходимости, требовавшей такого коллекционирования, он изменил бы и план, и, может быть, уклад – разве это не его слова, разве не жаловался он на то, что жалка действительность против мечты. К действительности вела его необходимость, к мечте не давали доступ слабость, как он говорил, его «воображения» и жажда реальности, горькой и тяжелой реальности.

Но при чем тут болезнь Гоголя? И как поставить ее в связь с тем, что здесь сказано, и со многим другим?

Читатель мог уже заметить, что все вопросы, которые намечаются в этом случайном перечислении, не состоят ни в какой явной связи с тем, чем болел Гоголь; эти связи мы можем вскрыть только тогда, когда станем прилежно изучать – черту за чертой – характер Гоголя, проследим его так называемые странности и попытаемся найти

¹ Продолжительное созерцание себя в зеркале, сосредоточение на себе, повторение много раз своего имени связаны с чувством чуждости, странности и даже жути по отношению к себе; см., например, Reim Spiegelzauber.

² Цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1/2, 398).

³ Отечественный литературовед Валерьян Федорович Переверзев (1882–1968) в своей книге «Творчество Гоголя» (М., 1914) писал: «Подавляющее количество гоголевских характеров относится к помещичьей среде. Вот почему, когда говорят, что Гоголь очень широко изобразил русскую предреформенную жизнь, необходимо добавлять – помещичью» (Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма. М., 1989. С. 375); «Художник мелкопоместной среды, которая тонкой прослойкой врезывалась в среду городского мещанства, Гоголь тонким слоем своего творчества вошел в изображение этой среды и новой психологии. Понятно, что здесь он не мог обнаружить ни особенной глубины и силы, ни особенного разнообразия в изображении характеров. Здесь он уже выходит за пределы своего жанра» (Там же, с. 407).

те причины, которые может помочь обнаружить нам только так называемая глубинная психология, или психоанализ. Глубинная психология исходит из обусловленности (детерминизма) *смысла* всего того, как поступает, о чем думает человек; нет ничего случайного, бессмысленного в психике творящего, все, что он делает и творит, все это только значки, показатели того, что у него происходит в глубине души, в той области, которая носит название «бессознательного». Там, в этой примитивной области, откуда с громадным трудом можно вызвать воспоминания, там находятся те неведомые нам причины, которые раньше когда-то были у нас, может быть, в сфере ясного сознания, но потом как неприятные, мешающие и несоответствующие, и невыносимые для нас, погрузились, ушли из сознания, и только странные наши поступки или причудливые идеи, о причине которых мы сами ничего не знаем, указывают, что в бессознательном есть силы, которые действуют на наши поступки и слова без того, чтобы мы об этом что-нибудь могли знать.

Величайшая рассеянность, странные суждения и поступки, ошибки, обмолвки находят свое объяснение в действии бессознательной сферы на сознательную¹. О власти бессознательного у Гоголя Пушкин как будто говорит, характеризуя Мольера сознательным обманщиком, тогда как Гоголь, по его словам, обманщик бессознательный².

Таким образом, не только в изменениях настроения, характерных для циркулярного психоза, должны искать мы особенностей творчества Гоголя; эти резкие колебания настроения можно было бы притянуть разве только для объяснения гиперболичности, крайностей у Гоголя, однако такое предположение мы должны будем тотчас отвергнуть, так как болезнь Гоголя – явление временное, наступающее периодами, тогда как особенности его мышления, крайности его устремлений, сравнений, доведения известных явлений до высшего их напряжения – постоянные, неизменные свойства его творчества. Если это так, то у всех писателей, страдавших этим недугом, мы должны были бы встретить аналогичные черты в характере, – но нет, ни Гаршин, например³, ни Гете, которого иные причисляют к циклотимикам⁴, что является слабой ступенью развития той же болезни, что и у Гоголя, – не проявляли черт характера, сходных с гоголевскими.

Нам необходимо, таким образом, хотя бы наметить психоаналитические зависимости в характере и в творчестве Гоголя, насколько это позволят нам оставшиеся после него сочинения и письма.

Неправ Котляревский, когда в своем предисловии к труду о Гоголе он говорит, что тайну своего творчества писатель унес в могилу⁵; наоборот, редко можно встретить писателя, который бы с такой любовью и так пристально анализировал и выставлял себя, как Гоголь. Во всем, что он писал, лежит резкая печать его индивидуальности, которая так четко, так ярко выражена, что ее не спутаешь ни с чьей.

¹ См.: Фрейд. З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1923. Т. 1.

² Ни в сочинениях А. С. Пушкина, ни в мемуарной литературе о А. С. Пушкине подобное высказывание не обнаружено.

³ Диагноз душевной болезни отечественного писателя Всеволода Михайловича Гаршина (1855–1888) – наследственное биполярное аффективное расстройство.

⁴ Циклотимия – психическое заболевание, легкая форма биполярного аффективного расстройства.

⁵ Ср.: «Гоголь унес в могилу тайну своей души, психические движения которой были так сложны и так изумляли современников» (Котляревский Н. А. Н. В. Гоголь. Очерк из истории русской повести и драмы. Пг., 1915. С. IX).

Его произведения – это тот путь, которым шел писатель, чтобы выявить всю глубину внутренних переживаний и той борьбы с самим собою, которую вел он всю свою недолгую жизнь и которая его привела к гибели.

Кроме несомненных болезненных приступов угнетенного настроения у Гоголя, по-видимому, не раз разыгрывалась притворная болезнь или, может быть, агравация того состояния, в которое он легко впадал благодаря своей мнительности (см.: Шенрок. Т. XI. С. 180)¹. Об этом ясно говорят многие места из переписки и свидетельства Аксакова, близкого к Гоголю человека. Аксаков иной раз простодушно недоумевает, для чего понадобилась такая симуляция, запутывавшая дело и ставившая не раз самого Гоголя в нелепое положение².

Поэтому не ко всем уверениям Гоголя об его болезни нужно относиться одинаково: иной раз это не что иное как ловкий прием для того, чтобы оправдать себя, и, нужно сказать, он нередко прибегал к этому приему^{3, 4}.

Значение отца и матери

Что за радость, что за разгулье падает на сердце,
когда услышишь про то, что давно-давно, и года
ему и месяца нет, делалось на свете.

Н. В. Гоголь

Для того чтобы несколько разобраться в психологии Гоголя, нам прежде всего надлежит остановиться на тех отношениях, которые существовали между Гоголем

¹ И. Д. Ермаков активно использует исследование знатока творчества Н. В. Гоголя, историка литературы Владимира Ивановича Шенрока (1853–1910) «Материалы для биографии Гоголя» (Т. I–IV. М., 1892–1897).

² Эту черту Н. В. Гоголя неоднократно отмечает С. Т. Аксаков (История моего знакомства с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 90, 96, 97, 98).

³ Ср. в очерке В. Я. Брюсова «Испепеленный. К характеристике Гоголя» (1909), посвященном, кстати сказать, В. В. Каллашу: «...всю жизнь Гоголь почитал себя больным и чуть только не при смерти. При всей слабости организма Гоголя, эта его постоянная болезнь все же была, по-видимому, одной из его бесчисленных иллюзий. 29 лет от роду Гоголь уже говорил: «скудельный состав мой часто одолевает недугом и крайне дряхлеет». В письмах к матери и друзьям он постоянно жалуется на свое здоровье, а его воображение, «развивая все в самых страшных призраках», уже подсказывает ему мысль о близкой смерти. «Я дорожу теперь минутами моей жизни, – пишет он в 1837 г., – потому что не думаю, чтобы она была долговечна». «О, друг! – восклицает он в письме к Погодину, 1838 г. – Если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думал я совершить...» О свойствах своей болезни Гоголь давал показания самые разнообразные. С. Т. Аксакова Гоголь еще в молодости изумил жалобами на свои недуги, так как по виду казался совершенно здоровым. На вопрос, чем он болен, Гоголь ответил, что причина его болезни находится в кишках. Это не мешало Гоголю любить хорошо поесть. «Гоголь ужасно мнителен, – писал один из его друзей из Рима в 1840 г. – Он ничем не был так занят, как своим желудком, а между тем никто из нас не мог съесть столько макарон, сколько он их отпускал иной раз». Когда о его болезни стал его спрашивать Языков, Гоголь объяснил, что она происходит от особенного устройства его головы и от того, что его желудок поставлен вверх ногами» (Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 152–153).

⁴ Поскольку болезнь Н. В. Гоголя давала ему некоторые преимущества, постольку он не в силах был сам от нее освободиться.

и его отцом и матерью, то есть над тем, что в психологии носит название комплекса отца и матери.

Из отношений к родителям, как учит психоанализ, складывается характер отношений дитяти ко всему миру, ко всем вопросам морального и умственного характера, складывается мирозерцание, признание авторитета или полная независимость от него, подозрительность или доверчивость и т.п. Таким образом рассматривая и оценивая те элементы, из которых складывается характер Гоголя, мы принуждены будем коснуться и найти объяснение многому такому, что не составляет обычно предмета рассмотрения психолога. По данным, сообщаемым Григорием Данилевским¹, отец Николая Васильевича был не глубокой натурой, но, несомненно, одаренным, интересным рассказчиком, обладавшим большим мастерством и талантом, писавшим хорошие комедии и стихи². Здоровья он был слабого (сифилис, лечился декоктом)³, умер молодым, всего 44 лет от роду. Отличался большой мнительностью вообще и особенно боялся всяких болезней. Такою же мнительностью и преувеличенным страхом перед болезнями страдал и сам Николай Васильевич и, по-видимому, с раннего детства. Отец Гоголя был хорошим и умным человеком, однако никакими особенными планами не задавался и спокойно жил себе в деревне, не мечтая о заманчивой литературной славе.

Из этих элементов и унаследованной конституции слагались у мальчика те компоненты отцовского комплекса, из которого в дальнейшем разовьются его отношения к людям, к религии, старине, родословной и т.д. Эти элементы послужат маленькому Гоголю тем материалом, который ляжет в основу всей его будущей деятельности, положив на нее своеобразный отпечаток.

И мы видим, как в связи с чувством к отцу, с почитанием отца и особенно его рода у Гоголя замечается особый интерес к старине, к тому, что связано с отцом, отчасти с его родословной⁴, с религией, с богом, который ведь тоже отец, но только уже всех людей, отсюда восхищение всем, что было прежде, давно, и почти что ненависть к пошлой действительности. Отсюда у него отрицание этой действительности и признание за нею гоголевского: «скучно на этом свете, господа». Он любит историю и исторические факты. Здесь, в этом пункте, необычайной важности является тот факт, который не мог быть неизвестен Гоголю, что вся его дворянская родословная являлась дутой, вымышленной и созданной подобно многим малороссийским родословным самым беззастенчивым способом. На самом деле и это скрывалось Гоголем; происхождение свое они вели от кутейников, и в этом отношении доказательны те

¹ См.: Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 460; ср. также примечания к ним [Там же, с. 663].

² Василий Афанасьевич, отец Гоголя, был плохим хозяином, мнительным, болезненно-раздражительным; писал в стихах не только письма, но и прошения – в нем немало черт, родственных Манилову (В. Каллаш).

³ Ср. приводимые В. И. Шенроком воспоминания М. И. Гоголь: «Сначала меня беспокоила болезнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка, от которой его вылечил известный в то время доктор Трахимовский. Потом он был здоров, но мнителен» (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 53). О том, что отец Гоголя был болен сифилисом, ничего не известно.

⁴ См.: Джонс Э. Значение деда в судьбе отдельного человека // Психоанализ детского возраста. М., б. г.

притеснения, которые семья терпела от родственника «отца Меркурия», стремившегося обобщить Гоголей¹. Мифические данные родословной должны были скоро дать понять Гоголю, на какой непрочной почве возведена их родословная (фантастика).

Впрочем, тогда нередко бывали случаи, что люди полуграмотные, низкого происхождения делались вельможами, временщиками, стоявшими у кормила правления («Записки сумасшедшего»). Такой пример был на глазах у Гоголя-ребенка в лице его родственника Трощинского, который из простого казачка сделался вельможей². Таким образом, в этом моменте мы можем легко вскрыть ту двойственность устремлений Гоголя, которая так характерна для него. Исследование истории своего рода, долженствующее поднять его в собственных глазах, приводит к таким открытиям, которые, наоборот, заставляют его отказаться от исследования и создать мир воображаемых героев-предков, Остапа, например, который, как оказывается, был только однофамильцем Гоголя³. В произведениях это нашло свое выражение и отзвук (как исповедь), например, там, где Чичиков в «Мертвых душах» поссорился с другим таможенным чиновником, который обиделся за то, что его обозвали попovichем, хотя был действительно попovich.

Отсюда его отношение к церкви, с которой связывается его бесславное, по его мнению, происхождение (играло известную роль и то обстоятельство из детства Гоголя, что дворня и сам Трощинский зло и обидно потешались над душевнобольным его родственником, заштатным отцом Варфоломеем, припечатывая, например, его бороду к столу и заставляя выдергивать ее по волоску или дразня его ассигнациями)⁴.

Он любит историю не только своего народа, но историю вообще, и он пробовал свои силы в лекциях по истории. Он изучает историю Сечи, казачества, собирается писать многие томы. Но наряду с этим, с этой стороны отцовского комплекса, которая вызывала в Гоголе признание авторитета (консерватизм) истории, родословной (он, например, не пожелал именоваться Яновским, так как это имя польское)⁵, была другая: такая власть отца вызывала, как это всегда бывает, известный протест, из которого, в борьбе с авторитетом старших, мало-помалу развивается самостоятельность ребенка и его равноценность отцу⁶. У Гоголя эта борьба была осложнена, во-первых,

¹ О родословной Гоголя и «алчном попе» Меркурии Яновском см.: Манн Ю. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835. М., 1994. С. 13–14.

² Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829), двоюродный брат матери Гоголя, статс-секретарь Екатерины II (с 1793), сенатор (с 1796), министр почт и уделов (1802–1806), юстиции (1814–1817).

³ Называя исторических и предполагаемых предков Гоголя, В. И. Шенрок (Материалы... Т. 1. С. 28–29) упоминает и Остапа, но не говорит, что он был «только однофамилец».

⁴ Этот эпизод приводит В. И. Шенрок (Материалы... Т. 1. С. 69–70), однако он не указывает на родственные отношения отца Варфоломея и Гоголя.

⁵ Ср. в воспоминаниях М. Н. Лонгинова: «Двойная фамилия учителя Гоголь-Яновский, как обыкновенно бывает в подобных случаях, затрудняла нас вначале; почему-то нам казалось сподручнее называть его г. Яновским, а не г. Гоголем; но он сильно протестовал против этого с первого раза.

– Зачем называете вы меня Яновским? – сказал он. – Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка; ее поляки выдумали» (Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. С. 71).

⁶ См.: Юнг К. Г. Значение отца в судьбе отдельного человека // Психоанализ детского возраста. М., б. г.

тем, что он был баловнем семьи, как первый ребенок (отсюда его чувственность и самоудовлетворение), а во-вторых, тем, что отец Гоголя был болезненным, слабым человеком. Эти подавленность, болезненность и слабость отца сыграли огромную роль в деле развития того обличительного направления, которое так характерно для гоголевского творчества. Конечно, никто не станет отрицать, что малорусское происхождение, влияние творчества отца и обстановки, комедии, разыгрывавшиеся в доме Трощинского, и многое другое питали и развивали в ребенке эту способность видеть и подмечать комическое, но в основе этой способности, которая затем стала развиваться и шириться уже без всяких влияний и поддержек (сам Гоголь, по-видимому, неясно сознавал, особенно сначала, что он творит; см. его взгляд на «Ревизора»), лежало то, что отвечало некоторой глубокой потребности его души ослабить, сделать более обыкновенным то, что сначала должно было казаться страшным и важным благодаря или своему авторитету, или ложной импозантности. В смехе Гоголя скрыта его агрессивность, как в горечи – его самоистязание, то есть направление агрессивности против себя. Чувствуя себя слабым, как ребенок, и преувеличивая свою слабость благодаря изнеженности и мнительности, Гоголь естественно должен был, с одной стороны, творить фикции сил, отодвигая их во времени или в пространстве, для того чтобы не чувствовать своей слабости (ведь это он породил свои персонажи, они его, и значит не слаб он как отец); отсюда его лиризм; и, во-вторых, зорко подглядывать и примечать то смешное, то комическое, что обезвреживало, ослабляло окружавшие его признаки силы. Так в этом отцовском комплексе уже в зародыше обозначилась та двойственность в характере и творениях Гоголя, о которой так много написано и так немного узнаешь от исследователей.

Что это действительно так, лучше всего может нам указать справка о том, как Гоголь принял весть о смерти своего отца. Гоголю в это время было 16 лет. Оно, это известие, как говорит Шенрок, производит в нем сильнейший переворот, *перелом* в его развитии, превращая его из мальчика в юношу¹. Он, естественно, хочет стать на место отца, он думает, он мечтает посвятить всю свою жизнь своей семье, он заменит отца маленьким своим сестрам. После того, и это очень характерно, у него пробуждается некоторый интерес к истории и еще больше развиваются литературные наклонности. Словом, во всем он хочет быть теперь как отец и даже больше, чем отец. Для этого он мечтает о какой-то большой и широкой деятельности, он думает *служить*². Имея перед глазами случай Трощинского, Безбородко³ и других, он мечтает о службе в Петербурге, об особо важной роли, которую ему придется играть. Сильный отцовский комплекс заставляет его

¹ Сводку данных по этому вопросу см.: Шенрок В. И. Материалы... Т. 1. С. 11–12.

² И он *служит* всю жизнь, его деятельность – служба отечеству, а в роли чиновника он служил так же плохо, как его отец. [Ср. в «Авторской исповеди»: «Мысль о службе у меня никогда не пропадала. Прежде чем вступить на поприще писателя, я переменил множество разных мест и должностей, чтобы узнать, к которой из них я был больше способен; но не был доволен ни службой, ни собой, ни теми, которые надо мной были поставлены. Я еще не знал тогда, как многого мне недоставало затем, чтобы служить так, как я хотел служить» и т.д. (6, 212; ср. также: 220, 229, 231).]

³ Безбородко Александр Андреевич (1747–1798), светлейший князь, секретарь Екатерины II (с 1775), фактический руководитель внешней политики России (с 1783), канцлер (с 1797); его имя носила гимназия высших наук в Нежине, где учился Гоголь.

искать подчинения, службы¹, а не самостоятельности, то есть, лучше сказать, компромиссной самостоятельности служить у высшего начальника. И здесь снова проглядывает ей двойственность, которая так характерна для Гоголя: он рвется к самостоятельному положению и в то же время не чувствует в себе уверенности, и это, как он сам очень верно подмечает, ускорило его развитие («Тот, Кто горем, недугами и препятствиями ускорил развитие сил и мыслей моих, без которых я бы и не замыслил своего труда» – «Переписка с друзьями»²). Болезнь, слабость, мнительность, неуверенность – все это заставляло сильнее работать над собой, суживало интересы, приковывая их к самому себе, и только потому имеем мы в Гоголе такого углубленного в себя писателя, что, творя свои произведения, он совершал самое нужное, самое важное, по его мнению, дело – дело, с которым связано спасение его души. И это правда. Только потому мог он жить и чувствовать иногда радость жизни, что он творил: в творчестве, как сознается он, лежат лучшие наслаждения, и только искусство примиряет и связывает с жизнью³. Однако как может примирить такое искусство, которое глубоко взволновало и ужаснуло смеявшегося Пушкина («Боже, как грустна наша Россия!»)⁴? Оно примиряет благодаря другому невидимому действию – катарсису: благодаря тем «невидимым слезам»⁵, о которых ничего не знает читатель. Сложен и запутан путь жизни даже самого обыкновенного человека, и напрасно пытались бы мы разобрать всю сложную и малопонятную мотивировку его действий, его поступков.

Еще сложнее жизнь гения, который не только переживает то же, что и мы, но и обладает удивительным даром выставить то, что он видит в себе, в новом, до него невидимом свете. И он это делает из каких-то особых побуждений, которые лежат глубоко в его душе. Эти побуждения чисто личные, но он умеет им придать вид общечеловеческих, очистить от всего эгоистического (конечно, не всегда сознательно заботясь об этом) и тогда беспрепятственно наслаждаться тем процессом, при помощи которого он удовлетворяет своей потребности. Эта потребность есть потребность жизни, без творчества не может жить художник, и жизнь прекратится, когда будет высказано все или изменятся условия, в которых работает писатель.

Может быть, нигде мы не найдем так ярко выступившими эти внутренние условия для создания идеалов, стремлений писателя, как именно у Гоголя. Для этого нам нужно только вспомнить события, между которыми втискивается вся литературная деятельность Гоголя: это – смерть его отца, о чем уже была речь, и смерть Пушкина. Казалось бы, между творчеством Гоголя и смертью Пушкина так мало связи и зависимости, даже если мы примем всерьез то, что, как он писал, «ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою»⁶.

¹ Конечно, здесь сказывались и отношения общества к неслужащим; см. «Горе от ума».

² См.: 6, 83.

³ «Через творчество в жизнь»; см. наши «Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина».

⁴ Ср. в статье «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: 6, 79.

⁵ Цитата из «Мертвых душ»: 5, 124.

⁶ Письмо к П. А. Плетневу от 16 марта 1837 г. // Письма / под ред. В. И. Шенрока. СПб., 1901. Т. 1. С. 432.

На самом деле эта связь, по-видимому, и более внешняя, и более внутренняя, чем об этом думают. Пушкин никогда не был близок Гоголю – «лукавому хохлу»¹, его отношения к «лукавому хохлу» были крайне сдержанными, а письма Гоголя заискивающие и просительные. Между ними не было того простого и дружеского общения, на которое так способен был с ясной душой своей Пушкин².

После известных трений по поводу издания «Современника»³ Гоголь совсем перестает упоминать Пушкина, и в его письмах мы встречаем в первый раз это упоминание уже после смерти Пушкина (Каллаш)⁴. По-видимому, большое значение имела статья Белинского⁵, на что, однако, не указывает Котляревский⁶. Как бы то ни было, для психолога важны другие моменты, это те идеалы и стремления, которые обнаруживал попеременно Гоголь: сначала – находясь под влиянием Трощинского и стремясь к чиновничьей карьере, потом – под влиянием Пушкина (это влияние следует понимать не только как прямое, но, главным образом, как косвенное – личности Пушкина, светлой и ясной, о чем он пишет в своей статье)⁷, его идеалом является писатель, и, наконец, под влиянием мужицкой веры отца Матвея⁸ он стремится к подвижничеству⁹. Интересно здесь же отметить, что отношение Гоголя к тем, кого он почитает, всегда униженное; таково было оно по отношению к не удостоившему его внимания Трощинскому, таково же к щелкавшему его Пушкину и то же к мучившему его отцу Матвею (мазохизм, самоуничижение как выражение любви и жалости к самому себе).

¹ Очевидно, контаминация разных источников. У А. С. Пушкина в рецензии 1836 г. на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» сказано: «...все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой» (XII, 27). В предисловии О. Н. Смирновой к апокрифическим «Запискам А. О. Смирновой (Из записных книжек 1826–1845 гг.)» (СПб., 1895. Ч. 1. С. 20) сказано так: «Как только Орест и Пилад привели его к моей матери – он стал просто Гоголем и получил прозвище “Хохол упрямый”». Далее в тексте «самой Смирновой» встречается только «хохол». «Хохол упрямый» – эту характеристику повторяет В. И. Шенрок (Материалы... Т. 1. С. 322–323).

² В этой в принципе справедливой характеристике И. Д. Ермаков опирается, очевидно, на В. Я. Брюсова [Собр. соч. Т. 6. С. 150].

³ Обстоятельный анализ этих «трений» см.: *Макогоненко Г. П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985. С. 259–288.

⁴ См.: *Каллаш В. В.* Предисловие // Сочинения и письма Н. В. Гоголя: в 9 т. СПб., 1909. Т. 9. С. 57–65; ср. также: *Шенрок В. И.* Материалы... Т. 1. С. 59.

⁵ Речь идет, видимо, о статье В. Г. Белинского «Несколько слов о “Современнике”» (Молва. 1836. Ч. XII. № 7) с высокой оценкой статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 180–183).

⁶ *Котляревский Н. А.* Н. В. Гоголь. С. 141 и след.

⁷ Ср. в статье «Несколько слов о Пушкине» о лирических пьесах А. С. Пушкина: «Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки» и проч. (7, 264).

⁸ Отец Матвей Константиновский, ржевский протоиерей, имевший большое влияние на Гоголя в последние годы его жизни. И. Д. Ермаков в оценке отца Матвея мог опираться, в частности, на Д. С. Мережковского (см. его книгу: *Лермонтов: Поэт сверхчеловечества. Гоголь. Творчество, жизнь и религия* (переработка статьи «Гоголь и черт»). СПб., 1911. С. 188–206).

⁹ Подчинение и протест против подчинения (амбивалентность) связаны с отцовским комплексом, как, между прочим, и механизм внушения. См.: *Ferenczi S.* Introjektion und Übertragung // *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen.* 1909. № 1.

После смерти Пушкина, как говорит Котляревский, Гоголь стал думать, что к нему переходила по наследству роль пророка-певца¹. Молитва к богу и воззвание к своему гению слились в одно. Художник стал перерождаться в пророка, но мнительного пророка, ожидающего (после смерти отца – Пушкина) под угрозами болезни и смерти с минуты на минуту призыва покинуть земное (письмо к Погодину // Письма. Т. I. С. 434)².

Вспомним, как переживал Гоголь смерть своего отца весной 1825 года; он участвует в домашних, хозяйственных заботах, принимает тон хозяина, совершенно изменяет свои отношения, например, к Трощинскому, перед которым благоговел (Шенрок)³. Оскорбительно относится к матери, ставя ее обидно ниже себя по уму⁴... Словом, после смерти отца ясно проявились те силы, которые оставались подавленными и ждали момента для своего обнаружения. То же случилось после смерти Пушкина.

Но силы эти, не находя естественного выхода, получили новое направление, благодаря которому достигался результат, однако без того, чтобы можно было понять, на кого они направлялись (нарциссизм писателя).

Эта страсть высмеивать людей, особенно старших, учителей, взрослых, это выдвигание своей личности как особенно ценной, не такой, как у всех, невероятно развитое самолюбие заставляли его делаться все более замкнутым и скрытным. Гоголь жалуется впоследствии, что его откровенные беседы только удаляли от него людей, потому, прибавляет он, что ему неизвестно было чувство меры⁵. Нет, конечно, не потому, а вследствие того, что занятый только собой, так как в глубине его столько сложных и запутанных стремлений, он помимо воли выражал только свои эгоистические бессознательные тенденции. Такой эгоцентризм в той или иной степени мы встретим у всех выдающихся людей, и он заставляет их сильнее сосредоточивать внимание на себе, развивать свою личность, так как она является центром их миропонимания («творец всегда нарцисст» – Геббель)⁶. У Гоголя появляются наставнический тон, огромное самомнение и связанный с ним лиризм. Но этот лиризм есть не что иное как приятная эмоция того, что он осуществляет свое затаенное желание быть выше, диктовать, повелевать, распоряжаться. Он дает советы, и нравственные, и хозяйственные, он понимает все, и лучше других. Уже его сатирическая детская

¹ См.: Котляревский Н. А. Н. В. Гоголь. С. 350–351.

² Аналогию душевного строя пророка и истерика см.: Rank O. Der Künstler. Wien, 1907.

³ Шенрок В. И. Материалы... Т. 1. С. 134–135; ср.: Калаш В. В. Предисловие. С. 32–34.

⁴ Ср.: Письма. Т. 1. С. 26; Калаш В. В. Предисловие. С. 29.

⁵ Ср. «Предисловие» к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «В оправдание могу сказать только то, что намеренье мое было доброе и что я никого не хотел ни огорчать, ни вооружать против себя, но одно мое собственное неразумие, одна моя поспешность и торопливость были причиной тому, что сочинения мои предстали в таком несовершенном виде и почти всех привели в заблуждение насчет их настоящего смысла» (6, 8). См. также «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»: «Я предчувствовал, что все лирические отступления в поэме будут приняты в превратном смысле. Они так неясны, так мало вяжутся с предметами, проходящими пред глазами читателя, так не попадут складу и замашке всего сочинения, что ввели в равное заблуждение как противников, так и защитников» (6, 73).

⁶ В статье «К истории психоаналитического учения» З. Фрейд упоминает немецкого драматурга Кристиана Фридриха Геббеля (1813–1863). Какое сочинение его цитирует И. Д. Ермаков – неизвестно.

пьеса «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» подтверждает это лучше всяких слов¹.

Он стремится к самостоятельности, но чувствует свою слабость. Неуверенный, мнительный, сомневающийся, как и его отец, он не в состоянии остаться один, ему нужны, как он сам выражается, нежное участие, ласка, ему нужна поддержка – он ее находит, как ему кажется, у отца и Трощинского, потом у Пушкина, наконец, у отца Матвея (мучения – его наслаждения, и в наслаждениях он бичует себя, не находя выхода)².

Но он все-таки слаб, и потому ему нужно все время подчеркивать свою воображаемую силу, чтобы обмануть, может быть, самого себя, и он фантазирует, он обличает, он возводит и низводит события, он с легкостью необыкновенной³ и даже с легкомыслием, удовлетворяя только себя, берется быть профессором истории, написать многотомные сочинения по специальному вопросу и т.п.⁴ Он настаивает на своем призвании, он упорно и настойчиво трудится над выяснением себе самому своего собственного призвания. В этом искании, как это он и выразил в своем «Портрете», он осуждает то искусство, которое слишком близко подходит к жизни, и в этой повести мы видим, как раскрывает он религиозно-нравственную задачу искусства, как он ее понимал. Этот рассказ имеет в обеих редакциях глубоко личное значение для Гоголя, потому что тут мы словно прочли пророчество о его жизни, о том, что он будет делать дальше. И рассказ настолько пророческий, насколько ясно и правдиво изобразил в нем Гоголь свое интимное, глубину своей души, терзаемой сомнениями и ищущей путей между теми стремлениями, к которым ведет его неведомая внутренняя сила (комплекс отца), и теми нравственными требованиями, которые велят ему воздержаться, бороться с этим желанием. Из этой борьбы, как будет показано в одной из следующих глав, берет начало та двойственность души Гоголя, которая положила на нем и на всем, что он ни писал, свой неизгладимый отпечаток.

Для того чтобы чувствовать себя сильнее, ребенок копирует и дразнит, смеется над старшими, отыскивает слабые, смешные стороны, и особенно тогда, когда эти слабые стороны существуют и без того, иной раз как изображение в зеркале⁵. Если мы вспомним униженное положение отца Гоголя у магната и мецената

¹ Это сочинение Гоголя не сохранилось, поэтому трудно судить, что оно может подтвердить «лучше всяких слов». Известные названия «отделов» его: «Освящение церкви на греческом кладбище», «Выбор в греческий магистрат», «Всеядная ярмарка», «Обед у предводителя П», «Роспуск и съезд студентов» – указывают на сатирический характер произведения.

² «Душа моя даже требует, чтобы меня больше охуждали, чем хвалили» (письмо Шевыреву). [См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1938. Т. 12. С. 267.]

³ Перенесение на Н. В. Гоголя автохарактеристики Хлестакова из «Ревизора»: «У меня легкость необыкновенная в мыслях» (3/4, 240) – типичный прием «уничижительной» интерпретации писателя.

⁴ В этой характеристике Гоголя И. Д. Ермаков опирается на В. Я. Брюсова [Собр. соч. Т. 6. С. 151], который считал, что «стремление к крайностям, к преувеличениям, к гиперболе сказалось не только в творчестве Гоголя, не только в его произведениях: тем же стремлением была проникнута вся его жизнь. Все совершающееся вокруг он воспринимал в преувеличенном виде...» [Там же, с. 147–148].

⁵ Ребенок копирует взрослых, чтобы чувствовать себя как они, смеется над ними для того, чтобы чувствовать себя больше них.

Трощинского, который относился к нему покровительственно и презрительно, изнурая его тяжелым, прозаическим трудом, если вспомним постоянные болезни, мнительность, слабость отца Гоголя, то мы поймем, на какой базе развилось это сатирическое направление Гоголя. Оно обеспечивало ему силу, самомнение – черта, столь характерная и неприятная в Гоголе. Это обличение, понятно, не могло быть особенно резким, и, как замечают многие критики, сатирик Гоголь был на самом деле человек сострадательный и находил оправдание и извинение в слабостях даже самых порочных. Это как-то не мирится с его бичеванием собственных пороков, которые и служили прототипом для всех выставляемых, по его словам, «мерзостей»¹.

Таким образом, в простую на первый взгляд склонность Гоголя подмечать и выставлять смешное вплетаются многие и разнообразно действующие силы, среди которых и самая страсть, желание *выставлять* играет не последнюю роль. Это та радость показывания, обнажения себя, которая лежит в основе всякого изобразительного творчества. Для того чтобы осуществить это показывание, он будет занимать видное положение, он будет человеком известным, ему назначено великое призвание, он мечтает о славе, вся Русь глядит на него и ждет от него слова. Он не прочь выставить себя сильным, значительным; иногда это до смешного примитивное хвастовство, например, из письма: он «живет на пятом этаже, сам государь занимает комнаты не ниже моих» (ср. «Записки сумасшедшего»)².

Тот же комплекс отца заставляет Гоголя, как это отмечено почти всеми исследователями, представлять в карикатурном виде только лиц пожилых, тогда как молодые люди (то есть он сам) в большинстве случаев подкрашены (преувеличенно хороши) (Котляревский).

Тот же комплекс отца (как я говорил), исходя из того, что в личности отца Гоголь не чувствовал авторитета, силы, – тот же комплекс был причиной той странной религиозной неустойчивости, которая поражает в Гоголе. Об этой неустойчивости мы будем еще говорить, хотя многие элементы ее таятся в отцовском комплексе. С детства, как он сам в этом признавался, на него сильное влияние имел страх перед страшным судом (суд отца – ср. «Вий», «Мертвые души», «Ревизор»). Этот страх проходит через всю деятельность и жизнь Гоголя, воплотившего зло в образе черта, о чем много интересного можно найти у Мережковского³.

Однако психологически нам гораздо интереснее задать вопрос о том, чем обуславливался такой страх и почему боролся всю жизнь с чертом Гоголь. Такой страх наказания, такая чувствительность по отношению к оценке поступков высшим существом проистекала из того юмористического отношения к старшим, о котором

¹ Ср. в «Четырех письмах к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»: «Не думай, однако же, после этой исповеди, чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдалают меня от добра» (6, 81).

² Ср. запись Поприщина: «Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; однако же не подал никакого вида, что я испанский король. Я почел неприличным открыться тут же при всех; потому, что прежде всего нужно представиться ко двору» (3/4, 162). Цитируемое И. Д. Ермаковым письмо приводит В. И. Шенрок [Материалы... Т. 1. С. 195].

³ См.: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 61–118.

я говорил, – отсюда такое странное утверждение Гоголя, что у него совсем нет веры. Так пишет он отцу Матвею: «Признаю Христа богочеловеком только потому, что так велит мне мой ум, а не вера...» – и дальше: «Но веры у меня нет», и когда он начинает молиться (из письма к тому же лицу), «то в мыслях у него бывает холодно так без любви и одушевления, что в иное время становится страшно». «Мысли мои расхищаются, приходят в голову незванные, непрошенные гости и уносят помышления, и когда хочу думать об одном, думается о другом, когда думаю о другом, думается о третьем» (эгоцентризм, ералаш в голове; см. «Записки сумасшедшего»).

И тогда он переносит всю вину на третье лицо, на «черта» (бессознательное, вытесненную агрессивность), который играет здесь известную роль, это «он пугает, надувает, приводит в уныние». Конечно, трудно решить в настоящее время, насколько Гоголь верил в личного черта (не есть ли этот черт – художественный образ гоголевской четкости), но одно несомненно, что его переживания, психическое его состояние не раз убеждали его в том, что существует некая «злая сила», искушитель, путающий во все его дела, в его веру, в его отношения к богу и т.п., и в этом он был прав. Такая сила была, такая сила ему действительно мешала, ставила препятствия, делала его двойственным, угрожала ему болезнями, смертью, страшным судом, заставляла его быть скрытным, страшным, быть, как говорит Аксаков (его друг), «не человеком» (он был «живой таинственнее, призрачнее, чем умерший») ¹, быть «таинственным карлой», как прозвали его нежинские товарищи ², быть «карликом, чудачком, птицей, демоном». В нем было, говорит Аксаков, что-то отталкивающее, «и любил ли кто-нибудь Гоголя – исключительно как человека. Я думаю, нет, да это и невозможно». И потом: «Я вижу в Гоголе добычу сатанинской гордости»³. А пять лет спустя после смерти его: «Я признаю Гоголя святым». Так Аксаков и не мог решить, «что такое Гоголь – сумасшедший или мученик, плут или святой»⁴.

Этот черт, с которым боролся Гоголь, являвшийся ему в самых разнообразных и странных образах, – это была другая сторона того положительно-отрицательного начала, которое заложено в него было отчасти и отцовским комплексом. И все, что не принимала его душа, с чем не соглашалось его сознательное «я», относил он к другому существу, которое постоянно вертится около нас, к «черту». Теперь мы знаем психологическое название этого черта, от которого так и не мог избавиться Гоголь, так как он составлял одну из сущностей его психики. Мы еще будем говорить в главе о двойственности по поводу тех забав и шуток, которые черт проделал над Гоголем. И это он, отцовский комплекс, и другие явления душевной жизни, вытесняемые из ясного сознания, мешают ему молиться, как это доказывает анализ всех аналогичных случаев навязчивых и хульных мыслей; это он отнимает у него веру, заставляет совершать

¹ Цитата из: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 129. И вообще весь этот абзац со слов «И тогда он переносит всю вину на третье лицо...» и до конца является пересказом то с заковыченными, то с незаковыченными цитатами из Мережковского, и весь практически иллюстративный материал, который использован здесь, заимствован у него же (указ. соч. С. 129–131).

² Эти слова А. С. Данилевского приводит В. И. Шенрок в своей книге «Материалы...» (Т. 1. С. 102).

³ Письмо С. Т. Аксакова к К. С. и И. С. Аксаковым от 23 февраля 1852 г. // Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 222.

⁴ Цитата из: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 131.

или только думать о таких поступках, которые несовместимы с его нравственными взглядами (агрессивность и вытеснение ее): «стоит только струсить и податься назад – тут он и пойдет храбриться... Мы сами делаем из него великана...» Так в борьбе с самим собою приходит Гоголь к тому нравственному покаянию, и откровенному, и всенародному, к которому его привела радость показывать себя. И показавши, он ужаснулся, так как то, что он показал, было двойственно, и люди увидели не то, что он хотел показать, и о том, что тогда наступило, мы еще скажем в главе, где разберем «трагедию» Гоголя.

Он показал ту дисгармонию, тот внутренний разлад, от которого страдал, и сознание которого в то же время делало его гордым, самонадеянным. Тот, кто занят исключительно собой, из себя самого черпает все, что творит, тем самым делается все более и более чуждым другим людям. То, что он имел сообщить, сообщал он общедоступными путями (сублимированием), через свои произведения, которые понимались и толковались и теперь еще понимаются и толкуются без того, чтобы люди приблизились к пониманию душевной трагедии их творца – Гоголя. Явь или мечта, герои или карикатуры – казалось бы, твори то, в чем лучше умеешь воплотить твои мысли и желания, но что-то заставляло смешивать Гоголя мечту и действительность, фантазию с правдой, гиперболу с простой и трогательной истиной. В основании такого разлада лежат два комплекса, может быть, самых мощных в жизни Гоголя – это его отношения к слабому отцу, о котором говорилось, и его отношения к матери. На отца и матери ориентируется нравственная буссоль¹ нашей будущей деятельности. И если об отце мы узнали, что его влияние должно было с самых малых лет поставить молодому Никоше целый ряд неразрешимых задач, то не иначе было и с матерью его – Марьей Ивановной. Мать Гоголя, как об этом свидетельствуют биографы, была крайне ненормальной личностью: «...я разумею душевную, умственную болезнь»² (см. Письма. Т. I. С. 354, 342, 583). Уже не говоря о том, что она была очень молодой, так как очень рано вышла замуж (14-ти лет), в ее поступках и поведении проявлялось очень много странностей, непонятных действий³. По словам биографов, она впадала в какие-то столбнячные состояния, говорила много несуразностей, боготворя своего Никошу; она, например, приписывала ему все сочинения того века (журнальные статьи Брамбеуса и др.). Не входя здесь в рассмотрение того, какова была болезнь матери Гоголя⁴, мы ограничимся лишь тем, что констатируем эту ненормальность. Ребенка,

¹ В геодезии – угломерный прибор, служащий для измерения горизонтального угла между северным направлением меридиана и предметом.

² Дед матери Гоголя Танский после ссылки резко изменился по характеру: из крутого он стал набожным, всепрощающим. В его письмах много религиозного лиризма и малороссийского юмора [См., например: *Шенрок В. И. Материалы...* Т. 1. С. 38; *Калаш В. В. Предисловие.* С. 319–321]. Не унаследовал ли Гоголь эти черты от деда матери, тем более что и отец матери Гоголя был человеком в высшей степени религиозным, но еще вероятнее – психическое влияние комплекса деда!

³ См. об этом: *Шенрок В. И. Материалы...* Т. 1. С. 99; Письма. Т. 1. С. 149, 167. Близкую характеристику отношения Гоголя к болезненной восторженности матери см.: *Калаш В. В. Предисловие.* С. 67–72.

⁴ Ср. также письмо Гоголя к матери от 24 мая 1850 г.: «А все эти предположения в будущем только распаляют воображение, повергают человека в состояние вечной тревоги и потемняют взгляд на вещи. Ради Христа, берегите себя от этого тревожно-нервического состояния, которого начала у вас уже есть!» (Письма. Т. IV. С. 32). См. также письмо от 10 ноября 1835 г. (*Шенрок В. И. Материалы.* Т. 1. С. 212).

как известно, родители до чрезвычайности баловали, особенно мать, и потому естественно, что у Гоголя мы находим чувствительность, автоэротизм и сильный материнский комплекс. (Мать Гоголя производила впечатление очень молодой и годилась как бы в сестры писателю.) Он обнаруживается прежде всего в тех инфантильных привязанностях, от которых Гоголь не мог освободиться до конца своих дней, даже тогда, когда он полюбил Смирнову, женщину, то есть вторую мать, к которой, по видимому, он относился уже безо всякого явного эротизма¹.

Эта странность Гоголя, что он никогда не любил женщин, что о нем неизвестно ни одного любовного увлечения, смущает биографов. Они видят в этой черте Гоголя ненормальность². И в то же время сам Гоголь по поводу вопроса о любви в одном из писем говорит, что страсти он боится, так как она сожгла бы его и превратила в пепел, то есть того, что случилось в «Вие» с псарем Микиткой, влюбившимся в панночку-ведьму³. И действительно, эротизма у Гоголя много: его описания, например, русалок в «Вие» дышат насыщенной атмосферой желания: эти бедра, это упругое тело, которое видит Хома Брут, и самое положение философа, когда его оседлала сначала старуха (мать), потом панночка (сестра) с красивыми ногами⁴, и как затем (исполнение желания) он сам оседлал ее – все это говорит, как мы увидим дальше, об отношении Гоголя к сексуальности. Здесь, в этом рассказе, имеющем, как согласен с этим Мережковский, автобиографическое значение, Гоголь открыл одну из причин своего «страха», от которого он впоследствии – по Мережковскому – и умер⁵. Не заходя в своем утверждении далеко, мы все-таки должны будем указать, что в такой фантастической форме писатель всего легче обнаруживает те комплексы, которые скорее могут остаться незамеченными при другой форме изложения (детские представления о половом общении). Отсюда стремление Гоголя высказать все те «чудовищные мысли», которые ему приходят в голову и которых он в том виде, как они ему

¹ Внешнюю историю отношений А. О. Смирновой и Гоголя см.: *Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 603–609. По реконструкции С. В. Житомирской, между Гоголем и Смирновой не было и намек на любовные отношения. Но вот свидетельство С. Т. Аксакова (следует учитывать, впрочем, что Аксаков очень не любил Смирнову): «Не менее вредны были ему дружеские связи с женщинами, большею частью высшего круга. Они сейчас сделали из него нечто вроде духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и уверениями, что его письма и советы или поддерживают, или возвращают их на путь добродетели. Некоторых я даже не знаю и назову только Виельгорскую, Соллогуб и Смирнову. Первых двух, конечно, не должно смешивать с последней, но высоту нравственного их достоинства, может быть, была для Гоголя еще вреднее, ибо он должен был скорее им поверить, чем другим. Я не знаю, как сильна была его привязанность к Соллогуб и Виельгорской; но Смирнову он любил с увлечением, может быть потому, что видел в ней кающуюся Магдалину и считал себя спасителем ее души. По моему же простому человеческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашеский образ жизни, сам того не ведая, был несколько равнодушен к Смирновой, блестящий ум которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему один раз: “Послушайте, вы влюблены в меня...” Гоголь осердился, убежал и три дня не ходил к ней» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 207).*

² См.: *Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 123–124.*

³ См.: 1/2, 342.

⁴ Вытеснение и борьба с инцестуозными влечениями примитивного человека лучше всего раскрыта О. Ранком в его работе об инцесте в художественной литературе и мифах (*Rank O. Inzestmotiv in Dichtung und Sage. Wien, 1912*).

⁵ Ср.: *Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 124.*

представляются, никому не может рассказать (*freie Einfälle*)¹. Отложив разбор таких состояний ненормальности и опьянения, к которым так охотно обращается Гоголь, мы остановимся теперь на фантастике «Вия», поскольку в ней отражается материнский комплекс Гоголя.

О летании мне уже приходилось говорить в другом месте, анализируя творчество Врубеля². С образом, символом летания связано представление о полной свободе, независимости, о том, что все мешающие силы, препятствия удалены, и человек пользуется в полной мере своими силами. Быть как птица, как ветер степной, как облачко – это значит символически стремиться к свободе (освободиться и летать – символ сексуальной силы и соответствующего акта)³. Но нет, не свободен полет грешного Хомя; его оседлала старуха – красивая панночка, которой он сам же поддался, и она его заставила летать. С этим ярмом на спине (инфантильное представление о сношении *modo ferarum*), в таком унижительном положении он испытывает сладострастные мазохистские грезы, и что это действительно так, доказывает нам то, что он видит на земле «обнаженных женщин, дышащих сладострастием...»⁴. И самый полет он называет «бесовски сладким, томительно страшным»^{5, 6}.

Таким образом в полет вплетаются элементы томительно страшные, указывающие нам на отношение Хомя Брута к вытесняемому половому вопросу. Он обращается к молитве, крестит ведьму, и тогда, при помощи религии, он одолевает ведьму и доводит ее до изнеможения, избивая поленом (явный садистический и анальный половой детский символ). Не она, мертвая, ему мстит, а мстит некто другой – Вий, у которого земляное тело и железное лицо. Этот Вий, от одного взгляда которого умирает философ, не кто иной, как *imago* отца, видящий его сексуальные желания, то, чего другие не видят и не могут увидеть (всевидающий бог-отец). Интересно сопоставить это с глазами «портрета», с бредом Черткова, видевшего повсюду глаза. Ведь психическая борьба, из которой черпает силы ребенок, связана именно с отцом, так как ребенку, мальчику, придется со временем быть, сделаться отцом. Но борьба трудна, так как отец может увидеть, узнать о половом развитии. От «взгляда» умирает Хома; мы увидим дальше, что «глядеть», зрение, смотрение играло огромную роль в психологии творчества Гоголя, и не будем считать случайностью причину смерти Хомя. Мы убедимся в том, что этот страх увидеть связан с мастурбацией и кастрационным комплексом; Хома умер за то, что поддался женской красоте, обольщению, ведь с женщиной вошел диавол

¹ Свободные ассоциации (*нем.*), произвольное обнаружение бессознательного в поведении человека; метод свободных ассоциаций использовался Фрейдом для диагностирования и лечения своих больных.

² Имеется в виду неопубликованный очерк «Михаил Александрович Врубель. 1856–1910».

³ См. символику летания и птицы у Фрейда (Лекции по введению в психоанализ. Т. 1. С. 161–162).

⁴ Буквально таких слов в повести Гоголя нет.

⁵ Ср. в «Вие»: «Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение» (1/2, 329).

⁶ Сравни переживания Хомя с психическим состоянием героя в «Призраках» Тургенева. Символика полета подробно разбирается мною в специальной работе о творчестве Тургенева.

в мир («мало дряни на свете, а ты еще жинку создал»¹), и, не будучи в состоянии с нею бороться, он гибнет от того, кто является старшим над всеми, охраняющим все старое, старые, древние устои (отсюда уход в отшельничество, кастрация). Из-за женщины умер Хома, но умер от взора страшного существа Вия (интересно тут отметить черты Вия, понятные, если их рассматривать с точки зрения описания ребенком взрослого мужчины: он старший над духами, он волосатый, у него железное лицо, тяжелые веки, черный, тяжело ступал)². (Сравни в «Страшной мести» то же олицетворение – описание Днепра и уподобление лесов и гор голове какого-то чудовища – лесного деда.)

Таким образом, мы ясно вскрываем тот обычный отцовский комплекс, который живет у многих детей и, сублимированный, дает повод к творчеству у народа такого рода сказок³. На самом деле детерминирование элементов сказки гораздо более глубокое, чем это кажется сначала. Панночка молода (но она же представляется «старой ведьмой»), ее отец, а не муж, стар. Чтобы смягчить инцест, обстановку борьбы, такой заменой пользуются очень часто (колдун в «Страшной мести» убил брата).

Мать Гоголя была очень молодой, и ей было 14 лет, когда она вышла замуж за 28-летнего своего мужа (она скоро стала матерью). Затем пребывание на руках матери в иных случаях⁴ дает фантазию о том, что, наоборот, мать у него в руках, и эта фантазия сопровождается чувством самоуверенности, собственной переоценки – свойство, обычное в детских фантазиях.

Его отец не должен был знать о тех фантазиях, которые со временем будут коррегированы и, развиваясь дальше, обратятся на другую женщину. Такова эволюция наших отношений к женщине: первый объект нашей любви обычно бывает наша же собственная мать (инфантильный объект любви). «Никого особенно не любил, выключая только вас, и то только потому, что сама *натура* вдохнула эти чувства» (Письма. Т. I. С. 260). Из этой любви со временем развивается любовь к другой женщине, и если материнский комплекс силен, то новая женщина будет носить все черты матери; таково обыкновенно происхождение любви молодых людей к пожилым женщинам. Но немало и таких людей, которые всю жизнь остаются верными своей первой любви – матери, так как не могут освободиться от инфантильной привязанности⁵. Этому освобождению могут помешать очень многие причины – или слабость полового чувства, так называемая кастрация, или (что чаще встречается и куда следует отнести и анестезию как следствие известного влияния комплексов) связанный с половым чувством целый ряд тяжелых переживаний, по большей части нравственного характера, мешающих, препятствующих свободному проявлению чувства. Тогда вместе с неприятным психологическим содержанием вытесняется и чувство, переходя в противоположное, и в результате, не находя своего естественного выхода, обнаруживается в целом ряде явлений, непонятных, если мы не примем во внимание такого бессознательного существования и действия комплексов (страх).

¹ Неточная цитата из «Сорочинской ярмарки»; ср.: «Господи Боже мой, за что такая напасть на нас грешных! И так много всякой дряни на свете, а ты еще и жинок наплодил!» (1/2, 23).

² Ноги, их символика, см.: Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. Т. 1. С. 161.

³ См.: Rank O. Das Mythus von der Geburt des Helden. Wien, 1909.

⁴ См. мою работу о детских играх.

⁵ См.: Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.; Пг., б.г.

Тогда нам сделается понятным и то, почему Гоголь не любил и не женился¹ и почему он увлекся Смирновой, с которой искал только духовного общения, как с матерью.

Вся мерзость фантастического сказочного полета и дальнейшего происходит в церкви, где оживает мертвая колдунья; сомнительно, чтобы она была мертва, – магический круг не допускает ее до Хомы, а обстановка не позволяет проявляться половому чувству (Хоме нужно видеть, а не действовать; Schaulust (желание смотреть), инициатива исходит от колдуни, а не от него)². Здесь опять дело представлено таким образом, что Хома защищается от колдуни, тогда как на самом деле он не в силах и сам перешагнуть черты – ему страшно. В церкви (обратим внимание на то, что церковь символизирует собою сексуальное – в частности, брак, женщину) происходит это святотатственное дело. Как при освящении церкви начинается гоголевское «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», так Ковалев встречает свой нос (половой орган) в церкви (символ матери), и потому он бессилен (инцест, кастрация). Ковалев не в силах действовать, он может только смотреть (Schaulust).

Церковь и женщина (духовный авторитет) для Гоголя являются комплексными, и потому в рассеянности, когда ему не писалось, он покрывает поля своей рукописи изображениями церквей и колоколен. В состоянии рассеянности, в состоянии автоматической деятельности прорываются чаще всего так называемые комплексные действия (интересный материал бессознательных рисунков будет мной опубликован отдельно).

Итак, отцовский (эдиповский) комплекс лежит в основе этой фантазии Гоголя и многих других его фантазий, которых я не имею возможности касаться. Но, как я сказал уже, с этим комплексом тесно связано чувство страха, от которого не мог избавиться Гоголь и впоследствии, и он часто в лирических отступлениях говорит, как страшно, страшно в одиночестве. (Страх, патологический страх соответствует, как выяснил Freud, ставшему неприемлемым и вытесненному желанию³.) Этот страх заставляет меня остановиться немного еще на одной фантастической повести Гоголя, в которой мы найдем пути к объяснению того, что так страшит Гоголя, и поможет нам связать его страх с целым рядом странных, ему самому непонятных положений, в которые он ставит своих героев.

Повесть эта – «Страшная месть». Она говорит об инцесте, о страсти, которую испытывает отец к своей собственной дочери. Он колдун, он не верует в нашу веру, он стал басурманином, не ест свинины, он потомок страшного, ужасного грешника (убившего своего родного брата с ребенком), захотевший жить со своею дочерью.

¹ Согласно воспоминаниям В. А. Соллогуба, Анна Михайловна Виельгорская была «кажется единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь» (*Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания.* Л., 1988. С. 435). По свидетельству, происходящему из семьи Виельгорских, Гоголь зимой 1849–1850 гг. делал предложение А. М. Виельгорской, но получил отказ от ее матери (*Шенрок В. И. Материалы...* Т. IV. С. 738–742).

² При слабости ссылка на условия, обстоятельства, среду («среда заела»), с другой стороны – это следствие Wunscherfühlung (исполнение желаний во сне – нем.). [См.: *Фрейд З. Толкование сновидений.* М., 1913. С. 393–409.]

³ См. «Три очерка по теории сексуальности» в книге: *Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений.* М., 1990. С. 186 и след.

На погибель себе выпустила его дочь из темницы; колдун-отец убил и мужа Катерины, и ее самое.

Вопрос о борьбе братьев, вопрос о завладении дочерью скрывает, как это хорошо известно всем исследователям мифов, борьбу отца с сыном, желание завладеть матерью – то есть эдиповский комплекс¹. То, что Гоголь так охотно занимается этими вопросами, то, что эти повести являются как бы пророчествами его личной жизни (он – великий грешник), только доказывает, что в них он выявил те – для него мучительные и глубоко в нем таившиеся – вопросы, на которые по-иному отвечал он и в последующих своих произведениях и даже в поступках.

Если бы все наши доказательства базировались на существовании этих двух повестей, мы едва ли могли бы претендовать на то, чтобы нам поверили. Но комплексы, как мы увидим, проявляются на каждом шагу, и мы скорее вправе жаловаться на обилие материала, чем на недостаток его. Любовь Гоголя к матери проявляется и в тех непонятных, с другой точки зрения, поступках и письмах его, которые имели место после смерти отца. К матери он относился сначала нежно, любовно, потом эту любовь он перенес на свою сестру Ольгу, тоже не отличавшуюся особенным умом и, вдобавок, глухую. Мать он считал обидно ниже себя (она принадлежала отцу, над которым следует смеяться), и из этого отношения, с одной стороны, развилось его отношение к женщинам, среди которых он, по-видимому, не находит таких, которых мог бы любить, – этому мешает низкая оценка его настоящего и идеализация в прошлом и в мечтах².

Женщины Гоголя, как об этом я буду подробнее говорить дальше, носят на себе какую-то печать неуловимости, неясности характера, что делает их совершенно бесцветными рядом с более определенными мужскими типами. Для характеристики красавицы, как показали, например, Переверзев и др.³, Гоголь довольствуется перечислением тех эпитетов красоты, которые встречаются в народных песнях. Ни в одной черте, ни в одной подробности не обнаруживает он, что ему известна настоящая живая женщина (кроме инфантильного влечения к груди и ногам). Тут снова мы имеем дело с действием комплекса вечно юной матери (вечно женственное), не дающим возможности Гоголю подметить то, что он так разительно подмечает, например, у пожилых или старых женщин. Там он свободен, там вступает в полную силу его талант. Но двойственно его отношение к женщине: ведьма из «Вия», его мать – она и старуха, и красавица, она его завлекает, а не он ее (изнеживающее воспитание). Любви учит мать (первый объект любви). Гоголь борется с искушением красоты женщины, с земным, как с грехом, ради небесного, что так хорошо показал Мережковский в «Гоголь и черт»⁴.

Но в основе этого аскетизма, не отрицая совсем явной борьбы Гоголя с чертом, в котором он олицетворял все то сексуальное, будничное, и мелкое, и пошлое, с чем

¹ См.: Rank O. Das Inzestmotiv in Dichtung und Sage; Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. М.; Пг., б.г.

² Mutterdimekomplex (комплекс матери – публичной женщины – нем.) – см.: Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности.

³ См.: Переверзев В. Ф. Творчество Гоголя. С. 296, 310, 365, 368–369; Шенрок В. И. Материалы... Т. 1. С. 270; Котляревский Н. А. Н. В. Гоголь. С. 99.

⁴ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 124–127.

боролся всю жизнь, лежали причины более глубокого, более личного характера, чем это может обнаружить литературный критик. В основе самобичевания, в основе показывания, демонстрации своих язв, мерзостей, всего скверного, что в нем было, лежали другие причины, чем обычное христианское смирение и покаяние. Из детства, как он признается в письме к матери, картина страшного суда, нарисованная ею, произвела на него неизгладимое впечатление¹. Идею кары, возмездия, «страшную месть» он воплотил в этой повести, где мертвецы грызут мертвеца (кастрационный комплекс). Отсюда этот страх, который проходит через всю жизнь Гоголя (реализуясь в самых разнообразных формах, как, например, в «Ревизоре»), которому он придал затем мистическое значение (в нем видел он призыв к ответу со стороны Судии). То же, по-видимому, принимал он в «Мертвых душах» – в странной судьбе Чичикова-Гоголя (см. Переверзева²). (Интересно это удвоение Гого-Чичи³, причем букву «ч» Гоголь пишет как «г».) Вытесняемая сексуальность возвращалась в виде чувства страха, она вытеснялась как греховная, как вина. Идея возмездия возникла у Гоголя (маленького) в связи с теми эгоистическими эротическими стадиями развития его личности, от которых, конечно, не свободен ни один человек. Но они, эти моменты эдиповского характера, имели для него большое значение, так как в его организации, в его характере были черты, заставлявшие его опасаться, бояться за себя, за свое положение (Трощинский); мнительность отца, психическая болезнь матери, собственные беспрерывные болезни (конституциональный момент) и постоянная чудовищная мнительность были той основой (малой оценки себя), на которой боязнь, страх, опасения находили отличную почву, поддерживали мнительность, неуверенность и заключали в свое тесное кольцо мятущегося Гоголя. Он искал возможности освободиться из их тисков, создавая вместо действительной слабости воображаемую силу; подмечая слабость других, приходит к заключению, что он не хуже их, и в то же время у него огромные планы, желания выдвинуться – «жизнь его не должна пройти незамеченной», – и отсюда борьба и ненависть ко всему, что обыкновенно, скучно, «пошло».

Вот он, черт Гоголя (по меткому наблюдению Мережковского), – это *пошлость* (половое самоудовлетворение или автоэротизм). И чтобы освободиться от нее, он ее проецирует вовне, показывает, и, когда покажет, он словно от нее избавился, отделался от нее; он ищет ее вокруг, рад, когда окружающие дают ему возможность в них и в себе увидеть то, что в нем есть дурного; и, указав на все дурное, дав ему самостоятельное бытие, он страшится. Он добросовестно показывает себя, и, когда Пушкин приходит в ужас, он оправдывается, что это только карикатура⁴. Эти карикатуры на зло, на черта автобиографически изобразил он в повести «Портрет». Его «анатомическая зоркость» все время возрастала. Он видел жизнь со всю ее грязью и греховностью, и у него, у старого моралиста и художника, являлось подозрение, «не служит ли искусство самому греху, когда так правдиво его воспроизводит? Эту

¹ См.: Письма. Т. 1. С. 260; ср.: Каллаш В. В. Предисловие. С. 31.

² Переверзев В. Ф. Творчество Гоголя. С. 430–431.

³ «Гоголь» – показывающий себя гусь-самец, и франт «чичик» – показывающий себя щеголь. Подробнее см. в анализе «Мертвых душ» Гоголя.

⁴ Ср. в «Четырех письмах к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»: «Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!” Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка!» (6, 79).

робкую, тревожную мысль он и высказал в «Портрете». Предчувствовал ли Гоголь, что со временем сочтет за грех все то, что он создал? Но он не убегал от греха жизни, а шел ему смело навстречу. Но замечательно все-таки, что именно в годы смелого творчества такая мысль остановила на себе его внимание»¹. Конечно, эта мысль в зародыше была у него давно, может быть еще не сформулированная и ясно не сознаваемая, однако страх, ужас, ожидание тревожат постоянно его пугливую душу.

И тогда является Гоголю мысль, что ему труднее спастись, чем кому другому... «Обо мне нужно молиться более, чем обо всяком другом человеке...» «Участь моя будет страшнее участи всех прочих людей». Это – не только выражение болезненно угнетенного настроения Гоголя (циркулярный психоз), но и выражение его внутреннего чувства вины, связанной с осуждением моралиста. Это морализирование Гоголя, его устремление к вопросам нравственно-религиозного характера, как это известно психоанализу, объясняется той виной, тем чувством вины, которое знакомо Гоголю из детства (Страшный суд).

Безнравственные желания, свойственные всякому ребенку в донравственный период развития², ложатся тяжелым бременем на душу и заставляют чутко относиться к вопросам моральным. И, как последняя жертва искупления, с одной стороны, как ясное утверждение и провозглашение своей слабости и несостоятельности – с другой, появляется тот комплекс, который носит название кастрационного³. Он нашел свое яркое выражение в «Носе» Гоголя, где мы его подробно и разберем. Еще с этой стороны – как добровольно-вынужденный уход в целибат⁴ – нужно рассматривать это отсутствие увлечения женщинами у Гоголя. Уйдя таким образом внутрь себя, в глубину души, где смутно волновались самые чудовищные желания и мысли, Гоголь производил впечатление странного, замкнутого, неискреннего человека, таинственного и загадочного. «Таинственный карла», «чудак», «комик» и, наконец, «не-человек» – вот немногие из прозвищ, применявшихся к Гоголю. Глубоко страдая внутри себя, концентрируя внимание на самом себе (нарциссизм), вечно занятый собой, он только из себя производил своих героев – они нужны были ему как зеркало, чтобы увидеть себя, чтобы сделаться лучше, так как себя почитал он плохим, исполненным всяких мерзостей. Этот акт покаяния рядом с самым дерзким самомнением лежит в основе желания избавиться, победить (черта – сексуальное) пошлость, обыкновенное; для победы над пошлостью он при действии отцовского комплекса заглядывает в воображаемую свою родословную, в историю родной Малороссии, и ищет материалов для того, чтобы оправдать свои мечты в истории. Характерна с этой стороны драка старого Бульбы со *старшим* сыном, который его в конце концов поколотил (борьба Иакова с Богом)⁵, состязание Левко с его отцом (одноглазым) из-за Ганны.

Сюда же нужно отнести борьбу Тараса с сыном Андреем из-за прекрасной полячки. Из-за женщины отказывается Андрей от родины, веры, отца своего и гибнет от руки Бульбы. Опять идея возмездия, кара за любовь к женщине. Та же идея про-

¹ Котляревский Н. А. Н. В. Гоголь. С. 178.

² См.: Фрейд З. Психология бессознательного. С. 149 и след.

³ Там же. С. 166 и др.

⁴ Обязательное безбрачие католического духовенства (из лат.).

⁵ Бытие. 32:24–32.

ходит красной нитью через «Записки сумасшедшего», где влюбленный в дочь своего начальника Поприщин объявляет себя испанским королем... Ясно проглядывает здесь опять та же тенденция гибели от женщины. В «Невском проспекте» Пискарев погибает от пошлости (сексуальной распушенности – чёрта) той женщины, в которую он влюбился и которую он в фантазиях хочет видеть не такой, какая она есть. Это приводит его к болезни и смерти.

И в то же самое время Гоголь – глубокий и последовательный консерватор. Несмотря на всю резкость своих сатирических приемов, он любит родину, хотя не раз представляется, что, как выразился один из малороссийских приятелей Гоголя, у него «любовь к родине высохла»¹. Впрочем, все эти вопросы нам надлежит разбирать в другой главе, где речь будет идти о двойственности души Гоголя.

Тесно спаяно с отцовским комплексом отношение Гоголя к мертвецам, о которых так часто говорится в его произведениях. Смерть есть естественный способ устранить мешающие личности, и он входит в отцовский – эдиповский – комплекс, «...и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой!» («Ревизор»). «Мой отец был мерзавец, скотина» («Женитьба»). Но в своем отрицании (цинизме) Гоголь в «Мертвых душах» доходит до тех пределов, до которых, как нам указал Мережковский², еще никто не доходил: душа не дороже пареной репы³. С другой стороны, в «Страшной мести» во вросшем в землю мертвеце, который не может подняться, а только сотрясает землю, нетрудно увидеть того же земляного Вия – того же отца. Этот ужас смерти дан у ростовщика, который должен был оставить свое изображение (свое *imago*), чтобы не погибнуть совершенно, для того чтобы демонической своей силой, соблазном погубить человека, обманув его⁴. И художник, нарисовав дьявола, затем не в состоянии рисовать никого, кроме дьяволов, придавая святым черты злого, в чем трагедия и самого Гоголя. И только через разоблачение сына (искупление) утрачивает зло свою губительную силу. Так в малейших чертах своего творчества не свободен Гоголь от своих комплексов, которые прорываются всюду и находят свое выражение, несмотря на вытеснение их. В этой борьбе со слабостью и в обеспечении себе сил и радости в жизни распускается цветок творчества – ядовитый, если ядовиты соки, питающие его.

¹ Ср.: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 185.

² Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 98–101. Ермаков анализирует те же примеры, что и его предшественник.

³ Неточная цитата из «Мертвых душ»; ср. слова Собакевича: «Право, у вас душа человеческая все равно что пареная репа» (5, 99).

⁴ Магия изображения, магия слова как живого, действенного, обладающего особыми силами средства, ярко выражена в переписке Гоголя по поводу 2-й части «Мертвых душ».

